

Михаэль Кречмер

Сан-Франциско

По воспоминанием Моше Картегинера

Я уже и не вспомню, кому первому в нашем вагоне пришла мысль, что в конце нашего казавшегося бесконечным путешествия мы окажемся в Америке. Вероятно, это умозаключение зародилось само по себе из сентябрьской духоты, запаха немывтых тел, плача детей, бесконечных споров и просто галдежа на идиш и польском. А может быть, всему причиной подспудное желание человека увидеть какой-то высший смысл, если хотите, промысел Божий, во всем происходящем.

В товарном вагоне нас было пара десятков еврейских семей, не считая нескольких польских и украинских. Большинство евреев в нашем вагоне прибыли в занятый Советами город Львов из всевозможных городков и местечек Юго-Восточной Польши, спасаясь от германского нашествия. Исключением был только Генрик Ярховский – инженер из самой Варшавы, который еще за месяц до вторжения перевез жену и двоих детей в город, куда по его представлению немцы не дошли бы ни при каких обстоятельствах.

-Нет, но послушайте...Мы едем так долго, не может быть, что мы едем в тюрьму! – заявил кто-то в полутьме набитого людьми вагона.

Это мысль явно давно гнездилась во многих головах, так как в ответ возникло некое оживление. Действительно, гнать такой большой поезд через всю страну бессчетное количество времени только для того, чтобы отправить в тюрьму некоторое количество польских евреев казалось крайне не по-хозяйски. Что, в окрестностях Львова у Советов не было тюрем? Быть такого не может! Даже, в моем родном Ярославле, городе куда меньшим, чем Львов, была тюрьма, куда периодически помещали особо рьяных “хулиганэс”.

-Мы уже всю Сибирь проехали, - продолжил тот же голос, — Значит, есть какой-то смысл в том, что мы едем так далеко....

Натурально, все ринулись искать вышеупомянутый смысл и даже умирающая бабушка Фейга Лapidус, которая всю дорогу стонала, лежа на куче тряпья в выделенном для нее уголке побормотала что-то, приподнявшись со своего ложа.

Да и чем мы провинились перед русскими властями? Я помнил, как в то солнечное утро в нашей львовской квартире, где кроме нас (то есть меня, старшего брата Янкеля и родителей) проживало еще несколько еврейских семей, раздались мощные удары кулаком в дверь. На пороге стояли несколько русских солдат в фуражках с синей тульей в компании с постовым милиционером в белом кителе и вечно нетрезвым

дворником. Один из незваных гостей наверняка старший в этой компании, зачитал что-то по вытасченной из кармана бумаге. Читавшего скорее всего совершенно не интересовало пойдем ли мы смысл написанного, ибо читал он по-русски, к тому же очень быстро, так что я разобрал только имена родителей- Рахиль и Пинхас Шапиро. Впрочем, цель визита была понятна и без излишних объяснений.

К такому развитию событий были готовы все прибывшие из оккупированной Польши еврейские семьи, те кого русские власти называли словом “беженцы”. Крытые грузовики обычно появлялись на рассвете, милицейские звонили в дверь, после чего семья, наскоро собрав пожитки навсегда исчезала из города. Сначала это были в основном польские семьи, некогда занимавшие вершину социальной лестницы- бывшие чиновники магистрата, бывшие полицейские, адвокаты и коммерсанты. Среди евреев находились те, кто, не скрывая постыдного чувства злорадства, утверждал, что так Советские власти мстят полякам за многолетнее притеснение нашего народа...Но дело дошло и до нас. Как и большинство беженцев, чтобы выжить в незнакомом городе мои родители занимались мелкой куплей-продажей. Для этого мы с братом вставали рано утром, чтобы успеть обежать национализированные магазины и занять очередь, если в них появлялось что-то, что можно было перепродать на местном рынке. Не только я и Янкель, но и мама с папой понятия не имели, что данное действие называется страшным словом “спекуляция” и карается десятью годами тюрьмы.

Поэтому, когда один из пришедших солдат (позже мы выяснили, что это были сотрудники НКВД, так называлась русская Дефензива) на идиш пояснил нам, что мы “буржуазэ элемент” и “шуна фун ди арбайтэн мэншн”, мои родители были в явном замешательстве.

В Ярославле мои родители владели небольшой лавкой скобяных изделий, причем отец чтобы свести концы с концами давал частные уроки основ иудаизма детям из ассимилированных богатых семей. Какие же мы “враги трудового народа”?

Такие же мысли явно посещали и других пассажиров, в основном бывших мелких торговцев, ремесленников и служащих. Даже инженер Ярховский, несмотря на некогда добротный костюм, очки и шляпу, все же не очень походил на злобного эксплуататора.

Исключение составлял разве польский адвокат Мацкевич, едущей с женой, гренадерского роста блондинкой, и двумя мальчиками-близнецами лет десяти. Из всех присутствующих польская пара общалась только с варшавским инженером, на остальных же бросали взгляды полные опасливого недоумения взгляды. Когда сам адвокат или его супруга или кто-то из близнецов оправляли естественные потребности через дыру в полу вагона, то кто-нибудь из членов семьи прикрывал его от посторонних глаз широким пиджаком пана Мацкевича, в котором тот еще не так давно блистал в мировом суде Львовского воеводства. И это после двух недель вынужденного путешествия, когда всем остальные давно перестали стесняться и просто просили находившихся поблизости отвернуться, когда кто-то справлял нужду.

Вполне вероятно, что к адвокату у Советов могли быть претензии, но к остальным?

Еще было неясно, чем до ареста занимался украинец Василь. Он был убежденным баптистом, всю дорогу почти не разговаривал, только едва слышно напевал религиозные гимны и смотрел на окружающих добрыми глазами. Одет он был в залатанные крестьянские штаны, замызганную вышиванку поверх которой была накинута видавшая виды стеганная куртка. На врага рабочего класса Василь тоже не походил.

Может быть потому, что все мы были уверены, что никаких претензий к нам у Советов не может быть, все с необыкновенным воодушевлением восприняли брошенное кем-то слово “Америка”.

Я почувствовал, как в спертom воздухе вагона пронесся вздох облегчения, когда вся цепочка трагических событий начиная с проклятого сентября 1939 года вдруг сложилась в нечто осмысленное. Разумеется, Советы собрали нас всех чтобы отправить в Америку!

Некто Марек Плоткин, учитель из Перемышля стал объяснять, что мы едем по самой длинной в мире дороге, называемой Транссибирская магистраль, которая ведет до самого Тихого океана! А что есть на Тихом океане? Правильно, порт Владивосток. Где нас, погрузят на корабль и отправят в Америку!

Где находится та Америка я имел довольно смутное представление. В свои тринадцать лет я очень редко выезжал за пределы родного Ярославля, однако название этой волшебной страны слышал постоянно. Америка была недостижимой мечтой для взрослых, и когда в разговорах проскальзывало, что чей-то брат, дядя, или хотя бы сосед туда уехал, то в ответ раздавался шумный вздох восхищения и зависти. Из Америки не возвращались. Оттуда слали длинные пространственные письма с фотографиями и, разумеется, деньги. Даже самые бедные из еврейских детей иногда перед праздником Песах или Ханнука покупали себе шоколадные конфеты на “ташенгельд”, присланные родственниками из Америки. В местном Синемаатографе показывали американские фильмы с Мэри Пикфорд и Дугласом Фэрбенксом, и горожане с замиранием сердца смотрели на заманчивые картины чужой жизни. Когда городские власти пустили первую трамвайную линию, то увидев сияющий хромированным железом состав на электрической тяге, кто-то из прохожих восторженно закричал: “Как в Америке!”, хотя ни в какой Америке, разумеется, не бывал. В общем, не было страны, интересовавший обывателей нашего города больше, чем далекая, но прекрасная Америка. И вот, как оказалось, мы едем в эту замечательную страну!

Чтобы унять бьющееся от восторга сердце, я продвинулся к стене вагона, где была небольшая, примерно в два детских пальца, расселина между досками и можно было наблюдать за проносящимся мимо пейзажем. Впрочем, тот не радовал разнообразием - я мог видеть только кромку густого леса, подступавшего к насыпи и лишь иногда полустанки или будку путевого обходчика.

Между чем учитель из Перемышля завладел всеобщим вниманием. Он вынул огрызок карандаша и на стене вагона стал чертить линии, согласно которым из Владивостока кратчайшим путем мы попадем в Сан-Франциско, главный американский порт на Западном побережье! Услышав это, все возбужденно загалдели и даже адвокат Мацкевич с супругой заинтересовались происходящим и, по-видимому, просили инженера Ярховского перевести то, что говорил Марек Плоткин. Даже умирающая бабушка Фейга приподнялась и пробормотала, что предпочла бы умереть по пути в Америку, чем в русскую тюрьму. Только Василь по-прежнему сидел в стороне и тихо напевал религиозные гимны.

Предположение, высказанное Плоткиным было таким заманчивым, что все стали отчаянно домысливать, чтобы все сложилось именно так. Кто-то вспомнил, что видел в какой-то русской газете фотографию наркома Молотова и немецкого министра Риббентропа, а о чем было разговаривать двум этим, кроме как о судьбе польских евреев. Кто-то из взрослых стал доказывать, что именно об этом договаривались русский и немецкий министры, о том, чтобы выселить польских евреев с территории ныне именуемой Генеральным губернаторством на территорию Советского Союза. Даже папа, обычно хранивший молчание и предоставлявший маме право вести разговор, вспомнил, что за несколько недель до ареста проходя мимо германского консульства, расположенного во львовской гостинице “Англетер”, заметил странное оживление среди дипломатов. Не иначе, как все это было связано с грандиозной сделкой между Германией и Советским Союзом...

Разумеется, и с этим все сразу же согласились, своим чудесным спасением польские евреи были обязаны не какому-то там необрезанному Молотову, а богатым и могущественным евреям Америки, которые не могли остаться в стороне видя, какая смертельная опасность нависла над их соплеменниками. Конечно же, они пришли к Секретарю Халлу Корделлу или даже самому Рузвельту, который сразу же позвонил по особому секретному телефону, провод от которого проложен по дну океана, прямо в кабинет товарищу Сталину. После бурных дипломатических переговоров между Америкой, Германией и Советской Россией, было решено, что Рузвельт вышлет большой пароход, который будет ждать евреев в порту Владивостока, а Сталин направит туда еврейских беженцев на поезде. “Да... да... Все решали лично Сталин и Рузвельт” - повторяли евреи, чувствуя, может быть впервые за долгие месяцы лишений и унижений, гордость за то, что их судьба решалась такими важными государственными мужами.

Почему же тогда русские жандармы арестовывали нас, как каких-то преступников? Смешной вопрос. Разумеется, чтобы не привлекать внимание гоев, которые тоже, наверняка, хотят в Америку. “Амэрикс из ништ гүмэ” - сурово заявила толстая Фрума Гиршман, жена тщедушного пекаря из Белостока. Действительно, зачем американцам столько гоев?

Таким образом, блистательная картина мира, созданная несколькими десятками пытливых еврейских умов оказалась столь благобно заманчивой, что вскоре во всем вагоне не осталось ни человека, включая адвоката Мацкевича и баптиста Василя, кто

бы сомневался, что очень скоро мы пересядем на океанский пароход и поплывем в прекрасный Сан Франциско. Правда, Василь продолжал что-то напевать во славу Всевышнего, но все остальные возбужденно перешептывались, вспоминая о родственниках, друзьях и знакомых, давно переселившимся за океан и с которыми будет так приятно повидаться! Даже мама вдруг стала сокрушаться, что ее лучшее платье не поместилось в баул и осталось в нашей львовской квартире. А в нем было бы так приятно прогуливаться по променаду Сан-Франциско! На это папа отвечал, что мы обязательно закажем новый гардероб, как только освоимся на новом месте. А бабушка Фейга мечтательно заявила, что перед тем, как умереть, надеется увидеть море, о котором мечтала с самого детства.

Как оказалось, не все собирались оседать в Калифорнии. Молодой учитель Плоткин заявил, что по прибытии в Америку сразу же отправится в Палестину. Его в этом поддержала жена, миниатюрная женщина в косынке и начался обычный для польских евреев разговор о том стоит ли переезжать в диковую, далекую от центров культурной жизни провинцию.

Наверняка в тот вечер не было во всем поезде, именуемом по-русски “ эшелон” людей счастливей чем мы. Вечером, когда все постепенно затихли, я спросил моего старшего брата Янкеля есть ли в Сан-Франциско гои. Янкель задумался и наконец пояснил, что гои в Сан-Франциско конечно же есть, но немного и самые главные там все-таки евреи! Вполне вероятно, что польские и украинские семейства в нашем эшелоне тоже отправятся с нами в Америку в помощь тамошним гоям....Ну уж в Америке мы не позволим им нас унижать, как это было в Польше. Впрочем, мое настроение было таким благостным, что я готов был взять в Америку не только Василя и адвоката Мацкевича, но даже изрядно докучавших мне одноклассников из польской гимназии.

Наверное, подобная наивность прощительна еврейскому ребенку из ортодоксальной семьи выросшем в захолустном галицийском местечке. По правде говоря, я не сомневался, что президент Рузвельт тоже еврей, могущественный, но справедливый и милосердный, который все сделает для попавших в беду соплеменников. Примерно таким же могущественным еврейским правителем, как я полагал, был покойный император Франц-Иосиф, о благословенных временах которого любили вспоминать в нашем городке.

На следующий день эшелон остановился, послышался грохот засовов и крики солдат. Когда двери вагонов открылись мы увидели серый осенний день с морозящим дождем, раскисшую дорогу, кромку черного леса, обступающего причудливой формы холмы. Не было ни океана, ни корабля, который взял бы нас в далекий, прекрасный Сан-Франциско. Подчиняясь приказу, мы спрыгнули на грязную землю, кроме бабушки Фейги Лapidус, которая умерла этой ночью в счастливой уверенности, что очень скоро увидит долгожданное море.

Наши пожитки были сброшены прямо в грязь, а нам было приказано построиться. В этот день пассажиры эшелона уяснили, что с этого момента они называются зубодробительным словом “спецпоселенцы”, но что это означает никто не знал, даже

учитель Плоткин и инженер Ярховский, но всем было ясно, что ни в какую Америку мы не попадем. Впереди была длинная, изматывающая дорога в забытый Богом барачный поселок в глухой якутской тайге, где взрослым предлагалось трудом искупить некую “непонятную” вину перед Советской властью. Ну а нас, детей спецпоселенцев, ожидало полуголодное существование в скученном бараке, пятидесятиградусный мороз, убивающий все живое, постоянная тревога за отцов и старших братьев, вынужденных делать тяжелую и опасную работу на лесозаготовках. Но очень часто, в самые отчаянные моменты, внезапно возникала надежда. Надежда, наивная, как фантазии ребенка, нелепая и нелогичная, но способная дать хотя бы немного сил. Надежда на то, что Сталин и Рузвельт все-таки договорятся и тогда исчезнет пятидесятиградусный мороз и страшный лес, полный диких зверей и мы поплывем на большом корабле в Сан-Франциско. А еще лучше, если наконец-то кончится эта проклятая война, немцы уберутся с наших городов, и мы вернемся домой, пусть даже опять придется ехать долгие недели через всю Сибирь в переполненном эшелоне с дыркой в полу вместо туалета. Конечно же никто из нас и не предполагал, что война растянется на долгие пять лет, а в Польше вместо друзей и родственников нас будет ждать мрачное пепелище.